

Книги Григория Шаргородского
в серии
**ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК**

**УБИВЕЦ МАГОВ. КАЛИБР 9 ММ
УБИВЕЦ МАГОВ. ВОЙНА НЕЛЮДЕЙ**

**ЗАБЛУДШАЯ ДУША. ПЕРЕСЕЛЕНЕЦ
ЗАБЛУДШАЯ ДУША. ДИВЕРСАНТ
ЗАБЛУДШАЯ ДУША. ДЕМОНОЛОГ**

**УКРОТИТЕЛЬ. ПОВОДЫРЬ ЧУДОВИЩ
УКРОТИТЕЛЬ. ЗАЩИТНИК МОНСТРОВ
УКРОТИТЕЛЬ. ИСТРЕБИТЕЛЬ ТВАРЕЙ**

**ЧУДАК. НЕПРАВИЛЬНЫЙ ВОР
ЧУДАК. ИСКАТЕЛЬ НЕПРИЯТНОСТЕЙ**

**ДИКИЙ ЛЕГИОН
ПРОТИВОДРАКОНЬЯ ЭСКАДРИЛЯ
ВИДОК. ЧУЖАЯ БОЛЬ**

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ГРИГОРИЙ ШАРГОРОДСКИЙ

ВИДОК.
ЧУЖАЯ БОЛЬ

РОМАН

Москва, 2018
ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛЬФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Ш25

Серия основана в 1992 году
Выпуск 1120

Художник
И. Воронин

Шаргородский Г. К.

Ш25 Видок. Чужая боль: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2018. — 282 с.: ил. — (Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-2707-9

Достаточно однажды оступиться, чтобы навек получить пятно на свою бессмертную душу. А ведь грех-то немалый — лжесвидетельствовать на суде по делу об убийстве девушки. И то, что к грешнику приходит скорая гибель, не станет облегчением — это только начало платы по счетам. Остальные долги перед вселенной попаданцу, оказавшемуся в теле полицейского видока, коллежского секретаря Игната Дормидонтовича Силаева, придется отдавать уже в параллельной реальности, охотясь на безумных стриг, отбиваясь от оборотней и укрощая домовых. При этом еще нужно как-то избежать слишком пристального внимания имперской жандармерии и православной инквизиции.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Шаргородский Г. К., 2018
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2018

ISBN 978-5-9922-2707-9

ПРОЛОГ

Утро в уездном городе Топинске никогда особой приветливостью не отличалось. В основном виной тому были туманы, наползавшие на город со стороны Стылой Топи. Туманы эти, по уверениям ведунов, ничего вредного не несли, но эмоциональную атмосферу создавали тревожную. Особенно это было заметно, когда в Топинске происходило что-то зловещее.

Тревожно всхрапнувший мерин лениво подтащил коляску к стандартному для окраин Топинска сруб. Остановившись, он грустно повесил гривастую голову. Похоже, общая гнетущая атмосфера влияла и на животных.

К коляске тут же подошел дожидавшийся следователя околоточный надзиратель. За его спиной вытянулись в струнку два городских.

— Здравия желаю, вашбродь, — козырнул двумя пальцами околоточный.

— Кто-то из Топи? — напряженно спросил следователь.

— Никак нет, точно человеки постарались, — успокаивающе улыбнулся седоусый служака, явно понимая причину беспокойства следователя.

Да и не только следователя: после событий недельной давности весь Топинск нервно ждал, будет ли продолжение тех ужасов. Съехавшиеся в город ведьмаки, конечно, изрядно постарались на ниве истребления заводских стриг — по слухам, в Топи выловили двух неадекватных особей и уничтожили. И все же десять лет опыта работы в сыске выработали у следователя интуицию, которая буквально вопила, что с тем делом не все так просто.

— Видока вызвали?

— Да как же его вызовешь? Говорят, мальчонка совсем плох, оно-то и понятно. После эдакого...

— Понимать мы можем все что заблагорассудится, — не дал договорить околоточному следователю, — а по особому уложению требуется, чтобы место преступления первым осмотрел видок, который, на нашу голову, в городе все-таки появился. Так что садись-ка со мной, Иван Митрофанович, и поедем поднимать мальчика. Или же на пару признаем утрату полезности и оформим все чин чинком. А там и жить станем по старинке.

— Да уж, с уложением нам спорить невместно, — вздохнул седоусый околоточный и полез в коляску.

Следователь развернулся к тройке казаков, которые курили у крыльца:

— Евсей, давай с нами. Все равно пока вы здесь без надобности.

Массивный казак молча кивнул. Вороной конь, такой же мощный, как его хозяин, без проблем принял на себя тушу седока и, мелко перебирая копытами, развернулся на месте.

Сидящий на облучке городской из управы щелкнул кнутом, и вся эта скромная процессия двинулась по дороге между оградами бревенчатых домов Ореховой улицы. Окраина Топинска еще не проснулась, а одному из ее обитателей пробуждение дается ой как нелегко.

До дома, в котором квартировал недавно прибывший в город видок, они добрались минут за десять. Доходы новичка в уездном управлении полиции не позволяли ему поселиться в центре города. С другой стороны, могло быть еще хуже — если бы видок обустроился на другой окраине, скажем, в Скобяном конце. Впрочем, там было дороже — дешевле Болотного околотка мест в городе нет. Сказывалась близость Топи и, соответственно, всего, что там обитало.

Марфа Спиридоновна, квартирная хозяйка юного видока, как обычно, встала с петухами и уже хлопотала по хозяйству, так что сразу откликнулась на зов околоточного.

— Здравия желаю, Марфа Спиридоновна, — мазнув костяшкой указательного пальца по усам, поприветствовал хозяйку Ситников.

— Иван Митрофаныч, да что же вы в такую рань-то?! — всплеснула руками женщина и тут же насторожилась: — Али стряслось чего?

— Ваш постоялец дома? — проигнорировав вопрос хозяйки, спросил околоточный.

— Да куда ж ему деваться-то, сердешному. Пятый день как не выходит дальше отхожего места. Я уж и мальцов-посыльных гоняю, но эти сорванцы за медяк не то что в окно — в дымоход пролезут.

Околоточный, продолжая делать вид, что внимательно слушает женщину, кивнул все еще находящемуся в седле казаку:

— Идем, Евсей, пособишь. Прихвати ведро с водой. Как бы не пришлось мальчика отливать.

Следователь по-прежнему оставался в коляске, пока решив не вмешиваться в личные дела граждан. Околоточному можно — он здесь свой.

Пока Ситников в сопровождении хозяйки дома степенно дошел до крыльца, казак не только успел найти ведро у колодца, но и наполнить его водой.

В отведенной квартироръемщику пристройке царил частичный бедлам. Частичный в том смысле, что было видно, как хозяйка предпринимала попытки убраться, но дальше пары метров от входа продвинуться не решалась. Остальное пространство было завалено разбросанными вещами и бутылками. Изрядное количество пустой тары вызвало у опытного полицейского удивленное хмыканье — даже учитывая пятидневный запой, для такого задохлика, как новый видок, было многовато. Сам потребитель вина, которое явно притащили вышеупомянутые хозяйкой мальцы-посыльные, лежал на кровати. Вид юноша имел крайне бледный и совершенно непотребный. Общую картину дополнял густой, несмотря на открытое окно, смрад перегара, рвоты и пота.

— Что же вы, Марфа Спиридоновна, не усмотрели-то, — укоризненно спросил у женщины околоточный. — Могли бы хоть доктора нашего кликнуть.

— Так был дохтур, да токмо руками и развел, — не особо смутилась квартирная хозяйка. — Сказал не давать ему хмельного.

— И?

— Отбирала, но...

— Что «но»? — не унимался полицейский.

— Он когда чутка трезвел, плакать начинал навзрыд. Выл даже. Вот я и...

— Ништо, разберемся. Вставай-ка, болезный. — Вздыхнув, околоточный попытался расшевелить рукой лежащее на спине тело.

В ответ послышалось лишь невнятное мычание.

— Давай, Евсей, — отойдя от кровати, скомандовал околоточный.

Казак единым махом выплеснул воду на распластанное тело, вызвав этим действием горестный вздох хозяйки квартиры и возмущенный вопль ее постояльца:

— Свали на фиг, глюк системный!

— Митрофаныч, — настороженно и зло прищурился казак, — это кем он меня сейчас обозвал?

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

Тяжела и неказиста жизнь офисного статиста.

Немного не в ритм, но верно. Скучно и однообразно — пришел с утра и проверяешь сводки без конца и края. И так последние двадцать лет. Уже старость не за горами, о чем каждое утро, а порой и в течение дня, напоминает потрепанный организм. И что хуже всего, просвета не видно. Особенно тоскливо стало в последние два года. Эти самые два года назад произошло одно событие, вывернувшее меня наизнанку. Сместились почти все приоритеты в жизни, точнее, не сместились, а стали какими-то фальшивыми, что ли. Жизнь враз потускнела, и чем дальше, тем противнее было смотреть в зеркало. И это учитывая то, что я всегда считал себя изрядным циником и эгоистом.

Стараясь отгородиться от тяжелых воспоминаний, я встряхнулся и только после этого услышал голос нашего сисадмина.

— Евгений Васильевич, вы что, оглохли? — явно второй раз раздраженно повторил парень.

— А? Что? — чуть паясничая, тоном старикашки спросил я.

— Эвакуация у нас! — крикнул он и выбежал из офиса.

Захотелось, как в советском мультике, нахмуриться и сипло произнести, копируя голос неподражаемого Джигарханяна: «Шо, опять?»

Похоже, действительно вновь проявили себя телефонные террористы. Здание, в котором разместилась наша фирма, «минируют» уже третий раз за этот год. Осмотревшись, я увидел совершенно пустой офис.

Да уж, несмотря на предыдущие два фальшстарта, народ не утратил прыти. Похоже, хорошо живут, раз так смерти боятся.

Не то чтобы я жил слишком плохо, но и желания суетиться как-то не было. Спокойно встал и, собрав свои вещи в сумку, так же неспешно направился к выходу. Внезапно пол подомной вздрогнул и, кажется, даже перекосялся.

Неужели с третьей попытки шар ушел в лузу?!

По барабанным перепонкам ударил грохот, затем я провалился в нечто похожее на сон — несвязный и сумбурный. Меня тянуло куда-то вверх, так сказать, к свету. И в этот момент во мне почему-то проснулось жгучее желание жить.

Очень вовремя!

Внезапно откуда-то из бесконечного водоворота тьмы и света послышался не то чтобы голос, а некий отчаянный посыл.

«Помогите!»

Кто бы мне помог.

«Как же тебе помогу?» — постарался я отправить ответную мысль-послание.

«Я не выдержу больше. Сил нет. Замените. Я не могу, а вам нужно».

Интересная заявочка. Он, видите ли, не может, а мне нужно. Хорошо хоть не должен или обязан — очень уж я не люблю эти два слова.

Больше из любопытства, чем с каким-то определенным намерением, я потянулся всем своим естеством в сторону, откуда прилетела мольба о помощи. И вдруг почувствовал, как меня кто-то тормозит.

— Вставай, болезный.

И кто бы это мог быть, неужели сисадмин Олежек, которого все называли Глюком, решил вернуться и спасти старика?

Следующее действие в виде очень холодного душа заставило рывком ворваться в реальность.

— Свали на фиг, глюк системный! — заорал я, резко садясь на кровати.

На кровати?!

Все еще не прояснившийся после сна взгляд пробежался по комнате с бревенчатыми стенами и наткнулся на здоровенного мужика с деревянным ведром в руках.

Так вот откуда столько воды.

Утерев ладонью лицо, я понял, что бревенчатые стены — еще не самое странное в этом перформансе. Здоровяк с ведром имел очень колоритный вид. Выглядел он как типичный казак предреволюционных времен. Рядом с ним стоял классический городской из того же периода.

Это какой-то карнавал или...

Появление в комнате нового персонажа окончательно поставило все на свои места. Весь его вид, от ладно сидящей фор-

мы с погонами почему-то без звезд, был цельным и естественным, без малейшего намека на фальшь или театральность.

— Господин коллежский секретарь, извольте встать.

Книги о попаданцах я читал часто. Они сначала не верили происходящему и постоянно лезли к окружающим с просьбой дать мобилу с целью позвонить знакомым или вызвать милицию. Обычно в ответ на настойчивые просьбы просящим давали в рожу. Когда реальность все же пробивалась сквозь отупение, бедолаги начинали рвать на себе волосы от отчаяния.

У меня же с появлением господина в погонах принятие этой реальности произошло практически мгновенно — ну не может окружающая обстановка быть декорацией, а действия людей игрой. Что же касается бреда — то вряд ли он бывает настолько четким и реалистичным. Хотя что я могу знать о бреде, не говоря уже о сумасшествии? С психическим здоровьем у меня вроде всегда был полный порядок.

В общем, терзать себя сомнениями я не стал и просто вскочил на ноги. Получилось плохо — мотало, словно по палубе корабля в изрядный шторм. Короткий взгляд на пустые бутылки вокруг кровати дал вполне логичное объяснение такому бедственному состоянию моего тела.

Но моего ли?

Посмотрев вниз, я увидел торчащие из кальсон худые и бледноватые ступни.

Точно не мои, как и руки с тонкими пальцами и обгрызенными ногтями.

— Господин видок, вы готовы приступить к исполнению своих обязанностей или же нам стоит подумать о разбирательстве вашей непригодности к службе?

Слово «разбирательство» мне не понравилось больше всего.

— Нет, то есть готов! — прохрипел я и постарался выпрямиться по стойке «смирно». В спине что-то хрустнуло.

Кстати, дрожащий голосок мне тоже не понравился.

— Тогда извольте привести себя в надлежащий вид. Иван Митрофанович, помогите ему, — строго приказал пока незнакомый мне господин и вышел из комнаты.

Не скажу, что одетый в черный мундир с заправленными в сапоги штанами седоусый персонаж был груб, но и до обходительности королевского камердинера ему было далеко. Мне помогли стащить с себя мокрое белье. Под кальсонами, кстати,

ничего не было, так что ситуация вышла довольно пикантной. Зато удалось частично осмотреть свое новое тело.

Точно новое, потому что у старого не было ни такой худобы, ни странной вязи татуировок по груди и рукам.

Странное украшение для явно невзрачного типчика.

Из шкафа силами моего вынужденного помощника был выужен мундир, чем-то похожий на одеяние вышедшего из комнаты строгого господина. Темно-серый китель и довольно широкие, особенно на моих худющих ногах, штаны, которые после надевания нужно было заправить в сапоги.

Под конец усатый доброхот нахлобучил на мою голову фуражку и опоясал ремнем с португеей, но ни шашки, ни револьвера с удавкой на шее, как у него самого, мне то ли не полагалось, то ли в данный момент не требовалось. Интересный факт — на моих погонах с красной окантовкой серебряного поля и красной же полосой посередине красовались аж три звезды, когда у строгого господина на точно таком же погоне не было ни одной.

Но что-то я сильно сомневаюсь, что он ниже меня по званию.

Практически пассивное переодевание дало мне возможность собраться с мыслями. Даже если все это окажется розыгрышем, лучше уж выглядеть в глазах юмористов полным лохом, чем оказаться в застенках местной охранки, если факт попадания подтвердится. Так что следуем совету одного очень умного пингуина — улыбаемся и машем. Точнее, наблюдаем, мотаем на ус и молчим в тряпочку.

Выход наружу в сопровождении усатой няньки и казака окончательно развеял жалкие ошметки сомнений. Дом, двор и улица, по которой мы ехали на коляске, не выглядели декорацией.

Так что придерживаемся первоначального плана.

В душе было не то чтобы пусто, но как-то без особых переживаний. То ли я действительно какой-то отмороженный попаданец, то ли штормить меня начнет позже. Впрочем, многое ли я оставил в старом мире — потасканное тело, давно уже нелюбимую жену и двухкомнатную квартиру? Ни детей, ни особых богатств я не нажил, так что и ностальгировать не о чем. А вот придется ли мне жалеть о приобретении молодого и почти непотрепанного тела, еще предстоит узнать, когда выяснится наличие идущих в нагрузку проблем.

Заскучать я не успел — вскоре коляска остановилась. Мой временный опекун, сидевший на передке рядом с водителем лошади, несмотря на явно солидный возраст, легко спрыгнул на землю и сразу начал распекать двух парней в белых форменных кителях с удавками на шеях, ведущими к пистолету в кобуре.

Кажется, эта штука нужна, чтобы никто не своровал у городского его оружие.

Казак направился к стоявшим наособицу двум товарищам, а всю дорогу промолчавший строгий господин, когда сошел с подножки коляски, сделал мне приглашающий жест рукой:

— Будьте добры пройти на место преступления, Игнат Дормидонтович. — В голосе полицейского чувствовался изрядный скепсис.

Да вы издеваетесь! Ладно еще Игнат, но Дормидонтович?!

Я уже отдышался на воздухе, но все равно еще пошатывало.

Что же ты, Дормидонтович, так себя запустил?

До двери в хоть и большую, но явно не особо ухоженную избу удалось дойти быстро, однако после перехода через сени меня застопорило. В нос ударил непередаваемый запах крови и зарождающейся гнили. Когда глаза привыкли к внутреннему сумраку, легче не стало. В обставленной грубой мебелью комнате словно прошел погром. Предметы интерьера разбросаны, а посреди всего этого хаоса лежало тело какого-то мужика. Натекло из бедолаги изрядно, и кровавое пятно получилось солидного размера.

Сзади послышался какой-то шум, и кто-то явно недовольный непредвиденной задержкой грубо толкнул меня в спину. Попытка сохранить равновесие успеха не принесла, и, сделав три быстрых шага, я свалился на четвереньки. Как назло, ладони обеих рук тут же угодили в подсохшую и оттого очень липкую кровь. В довершение меня вырвало.

— Да чтоб тебя! — ругнулся за моей спиной сердитый господин.

И вдруг все вокруг изменилось. Комната пропала, точнее, она стала другой. Я ошарашенно поднял голову, все еще оставаясь на четвереньках.

Исчезло не только кровавое пятно, но и то, что вышло из меня. Под руками был относительно чистый пол. Мебель находилась на своих местах, а лежавший на полу мужик теперь сидел за столом и что-то ел.

Правда, картинка была какой-то блеклой, словно во сне.

Не успел я удивиться, как к столу мимо меня прошли еще два мужика. На них мне пришлось смотреть задрав голову. В собравшейся тусовке тут же разгорелся спор, которого я не услышал. Внезапно один из пришельцев рывком наклонился над столом, всаживая выдернутый из-за пояса нож в грудь оппоненту. Это не убило жертву — хозяин дома резко встал, опрокинул стол и, казалось, пошел прямо на меня, разбрызгивая по всей комнате свою кровь.

От навалившегося страха я отшатнулся и совершил, казалось бы, невозможный прыжок спиной вперед, вследствие чего врезался в стену рядом с дверью. Как только мои руки оторвались от пола, окружающий мир дернулся и стал таким, каким был минуту назад, — с неподвижным телом, лужей крови и моей рвотой прямо на уликах преступления.

Ну и что это было?! Происшедшее удивило меня сильнее, чем перенос в другое тело и другой мир.

Не менее странной оказалась реакция моих новых знакомых.

— Вы что-то видели? — дернул меня за плечо сердитый господин.

Быстро сложив в голове этот вопрос с тем фактом, что меня все почему-то называют видоком и зачем-то пустили на место преступления первым, я решил не скрывать от окружающих своих галлюцинаций:

— Его убили двое.

— Описать можете? — Раздражение в голосе моего собеседника сменилось неподдельным интересом.

Не успев выразить вполне обоснованные сомнения, я вдруг понял, что не только могу описать нападавших, но и обладаю непонятно откуда взявшимися дополнительными сведениями, но почему-то только об одном из гостей хозяина дома. Запомнился лишь убийца.

В глазах моего собеседника горел такой азарт, что меня понесло. Вещать начал прямо сидя на пятой точке у стены:

— Один одет получше. В сапогах, нет мизинца на правой кисти. Хромает. Его нога сильно болит в колене, и это злит убийцу невероятно. Второй — в одежде попроще. В лаптях.

Вот хоть убейте, сам не знаю, зачем добавил про боль и злость убийцы. Словно выскочило из меня, как пробка из бутылки. Причем выводы я сделал в основном из эмоций подозреваемого, которые почему-то сумел прочитать. Шальная по-

пытка сделать это же с моими сопровождающими ничего не дала.

Я уже невольно поморщился в ожидании упреков и насмешек, но не тут-то было. Все внезапно проявили, по мне, нездоровое оживление.

— Это Шукарь, — уверенно заявил седоусый. — О прошлом годе ему на перекате колено бревном зашибло. Озлобился весь. И пальца у него нет. А вот лапотника я не знаю.

— Узнаем, — уверенно кивнул строгий господин. — Берите казачков, Иван Митрофанович, и занимайтесь этим вашим Шукарем, а мы вернемся в управу.

— Будет сделано, ваше благородие, — козырнул седоусый и выскочил из избы.

Я все еще пребывал в шоке по поводу того, что слова похмельного алкаша, к тому же явно склонного к галлюцинациям, все эти серьезные дядьки вот так легко приняли на веру. Мало того, взгляд строгого господина потеплел и даже заимел искорку уважения ко мне.

— Вставайте, Игнат Дормидонтович. Остальное закончим в управе.

Свежий воздух и выброс адреналина благостно повлияли на мое похмельное, да чего уж там, запойное состояние. И все же это облегчение демонстрировать не стоило. Сейчас пришибленный вид для меня лучшая защита. Сильно сомневаюсь, что аборигены обрадуются факту поселения чужой души в знакомом им теле. Наверняка сразу возникнут вопросы, куда же делась душенька настоящего Игната Дормидонтовича. Что-то мне подсказывало, что версия о добровольном уходе Игнаши их вряд ли устроит. Так что молчим и всем своим видом изображаем больного.

Получилось неплохо, сжалившиеся казачки организовали воду, чтобы вымыть руки и умыться, они даже где-то достали лоскут чистой ткани в качестве полотенца.

Дорога до управы оказалась довольно долгой. Мое первое впечатление от того, что попал я в провинциальный городок царской России, как-то смазалось. Сначала на улице начали попадаться двухэтажные дома, в которых первый этаж был каменным. А затем мы выехали на широкий проспект, по обеим сторонам которого стояли двух- и трехэтажные каменные особняки. Настораживал слишком уж свежий вид этих зданий — явно новострой. По разделяющему проспект бульвару совершали

утренний моцион неплохо одетые горожане. Их наряды опять наводили на мысль о провале во времени, но были и сомнения.

И все же я попал в провинцию, потому что на улице вполне уживались и дамы в не самых удобных длинных платьях с целыми нагромождениями складок сзади, дополненных шляпками типа чепец, и мужики в чем-то, что можно было назвать только зипунами. Разнообразие усиливали господа в сюртуках с цилиндрами и гражданских мундирах с фуражками. Иногда попадались явные франты в кургузых пиджачках и с котелками в качестве головного убора. Конечно же не обошлось без классических студентов и гимназистов, а также девушек в образе донских казачек.

Разнообразие персонажей было таким пестрым, что мне даже пришлось прикрыть глаза, чтобы собраться с мыслями.

И все же окружающее не похоже на прошлое моего родного мира. Настораживало поведение людей и куча мелких деталей. Да и не мелких тоже. Я не историк и оценить всех фактов не могу, но точно уверен, что полицейские прошлого вели бы себя иначе. Взять хотя бы тот момент, что мою галлюцинацию приняли на ура и даже начали строить дело на ее основе. К тому же меня постоянно называли видоком, что вполне могло оказаться легальной профессией. Ничего подобного исторические анналы моего родного мира не сохранили.

Второй зацепкой в идее перемещения в параллельную реальность стало здание управы. Нет, снаружи большой двухэтажный каменный дом смотрелся вполне обычно. Зато насторожило нечто похожее на скандинавские руны, которые покрывали входную дверь. И это в христианском-то городе — маковку златоглавого собора я мог видеть прямо от порога управы. Даже обернулся на всякий случай. Более того, сразу вспомнилось, что все, кто входил в дом с трупом, крестились.

Внутри управы обстановка была менее колоритной, по крайней мере в моем понимании исторической идентичности. Я хоть и старался скрыть любопытные взгляды, но все же замешкался на входе, так что пришлось догонять. Как раз успел к моменту, когда строгий господин столкнулся с еще более строгим. Этот вообще являл собой персонажа с колоритностью на грани возможного. Властное лицо с крупными чертами обрамляли такие шикарные и длинные бакенбарды, что с первого взгляда показались мне окладистой бородой. Лишь через пару секунд я заметил пробел на подбородке.

Богатырская, слегка располневшая фигура была облачена в темно-серый мундир, пошитый из очень дорогой ткани, что отметил даже мой неискушенный взгляд. Всякие аксельбанты и даже ордена делали его похожим на участника маскарада. На погонах, как и у моего проводника, звезд не было — все то же серебристое поле с красной окантовкой, но вместо одной тонкой продольной полосы имелись две.

Оружия у гиганта, как и у первого строгого господина, не наблюдалось, ни холодного, ни огнестрельного.

Ох, нужно поскорее разбираться с местными реалиями, а то попаду как кур в ошип.

— Вижу, у вас хорошие новости, Дмитрий Иванович, — прогудел, как иерихонская труба, обладатель бакенбардов.

— Так точно, ваше высокоблагородие, — вытянулся мой куратор, но не так, как перед ним самим тянулись городовые, а как младший офицер перед старшим.

— И что? — с любопытством спросил гигант.

Дмитрий Иванович расслабился и заговорил более простым тоном:

— Чудо у нас, Аполлон Трофимович: после всех потрясений в нашем видеке даже дар усилился.

— Эва как... — Переведя на меня взгляд, обладатель божественного имени удивленно поднял кустистые брови. — Внешне, кроме непотребного вида, чудес не наблюдаю.

— Да, внешне не очень, сам диву даюсь, как он в таком состоянии сумел не только увидеть убийство, но и дать очень неплохое описание убийц.

— Действительно чудно, — прогудел Аполлон, — но все же потрудитесь привести его в более благообразный вид.

Может, начальник и думал, что, услышав упрек, я постараюсь придать себе более бравый вид, но он сильно ошибался. Мне бы как-то выскользнуть из-под их пристальных взглядов. Так что я выдал пантомиму умирающего лебедя.

Может, еще блевануть? Нет, пожалуй, будет уже перебор.

— Оформите все чин чином и отпустите бедолагу, — приказал Аполлон и пригрозил мне похожей на сосиску пальцем. — Но чтобы завтра...

Уточнять, что именно должно случиться завтра, он не стал и величественно проществовал к выходу. Мы же пошли дальше и, поднявшись по лестнице, оказались на втором этаже. Там был еще один переход по коридору к ничем не примечательной

двери. За дверью находилась обычная комната с высоким потолком. Внутри нас ждал еще один человек в форме, на погонах которого имелось на одну звезду меньше, чем у меня. Логика говорила, что он младше меня по званию, но у того же Дмитрия Ивановича на таком же погоне звезд вообще не наблюдалось, так что выводы делать рано.

Парню на вид было лет двадцать, и вел он себя соответственно — при виде начальства вскочил как напружиненный.

— Здравия желаю, Дмитрий Иванович.

В ответ мой провожатый лишь скупно кивнул и, усаживаясь в кресло за большим столом, указал подбородком на меня:

— Алексей, запишите показания Игната Дормидонтовича.

И как он только язык не сломал, с моим-то новым отчеством!

— Слушаюсь! — Владелец двух звездочек на погонах едва не щелкнул каблуками.

Мне же он по-свойски махнул рукой, указывая на стул перед своим столом.

Не знаю, принято так делать постоянно или это скидка на мое состояние, но то, что мне не придется писать отчет самому, откровенно порадовало.

— Игнат, ты как? — тихо спросил Алексей.

В ответ я только закатил глаза, потому что ответить мне ему было нечего. К тому же всплыла сложность с обращением. В моем новом имени вариации отсутствовали, а вот сидящего напротив меня можно было обозвать как угодно: Алексеем, Лешей, Лешенькой или вообще Лехой.

Парень понятиливо кивнул и приготовился писать.

Все так же изображая из себя мученика, я пересказал увиденное в галлюцинации своему новому коллеге и горестно вздохнул. Леха еще что-то дописал от себя и протянул бумагу мне вместе с перьевой ручкой, предварительно окунув ее в чернильницу и по-особому встряхнув.

Вот и еще один повод для беспокойства.

Написано все было канцелярским русским языком, без привычных для меня неологизмов, но и без особых вывертов из старославянского. Ятей и всего остального хватало, но разобрать содержание можно без проблем. Я вообще был удивлен, что здесь даже простые обыватели довольно редко вставляют в свою речь слова типа «иже», «поелику», «понеже», не говоря уже о классической «лепоте». Если честно, я боялся, что этого

добра будет значительно больше. Так что в разговорном плане влиться в местное общество было легко, нужно лишь следить за тем, чтобы не ляпнуть что-то из сленга двадцать первого века.

Кроме точного изложения моего рассказа в конце документа имелась приписка:

«Записано помощником следователя уездной полицейской управы Топинска губернским секретарем Алексеем Карловичем Вельцем со слов видока, коллежского секретаря Игната Дормидонтовича Силаева».

Ну хоть фамилия нормальная.

Больше всего меня заинтересовала проставленная дата — пятнадцатое октября одна тысяча восемьсот девяносто пятого года. При других обстоятельствах я, может, и стал бы размышлять о том, что это — перенос в прошлое или другое течение времени в явно параллельной реальности, но сейчас были проблемы и посерьезней — подпись.

Очень опасный момент. Одна надежда на мышечную память, в крайнем случае попытаюсь сослаться на тремор.

Прикрыв глаза, я попробовал расслабиться и вызвал в себе истовое желание оставить на бумаге свою подпись. Рука привычно дернулась, и когда посмотрел на бумагу, я увидел вполне аккуратный незнакомый мне вензель.

Фух, кажись, получилось! И все же что-то не так.

Забрав у меня ручку, Леха продолжал выжидающе смотреть.

— Печать видока, — не выдержав минутного ожидания, шепотом подсказал он.

Ну и какая, блин, печать? Впрочем, на этот случай есть стандартный школьный ответ:

— Дома забыл, — таким же страшным шепотом ответил я.

Мы оба осторожно повернулись к Дмитрию Ивановичу, наткнувшись на его грозный взгляд.

— Идите домой, Игнат, — явно сдержав ругательство, сказал следователь уездной управы. — Завтра явитесь в подобающем виде и с печатью.

Ага, и тебе мое отчество встало поперек горла!

Все еще изображая страдания от делирия, который был слишком уж мягким для такого запоя, я удалился из кабинета. До самого выхода меня никто не трогал, а вот в дверях я практически столкнулся со знакомой личностью. Нежданная встреча заставила меня замереть в ожидании ответного узнавания, но прихрамывающий, звероподобного вида мужик даже не взгля-

нул в мою сторону. Его больше заботили руки, вывернутые ка-заками за спину.

Значит, повязали убийца, а меня арестованный не узнал, потому что никогда и в глаза-то не видел. Пока он даже не догадывается, по чьей наводке его взяли. Хорошо, если это неведение продлится подольше.

Выход из управы порадовал меня, но уверенности не прибавил. Дорогу сюда я откровенно забыл, а при осмотре карманов кителя не обнаружилось никаких средств на местное такси. Да и адрес моего нового дома мне был совершенно неизвестен.

Судя по всему, моя растерянность смотрелась так жалко, что добродушное сердце водителя казенной лошади не выдержало.

— Доставить вас домой, ваше благородие? — Рядом со мной появился уже знакомый кучер в форме городского.

— Если это вас не затруднит, — предварительно выбросив из заготовленной фразы неологизмы, сказал я.

— А мы скоренько, — подмигнул мне пожилой городской.

Действительно, очень быстро проехали, так сказать, с ветерком. Отблагодарить своего благодетеля мне было нечем, так что я лишь обозначил легкий поклон с прижатой к груди рукой.

Когда коляска на повышенной скорости скрылась из виду, я облегченно вздохнул.

Наконец-то остался один. Во дворе сориентироваться удалось без проблем, и я через общие сени прошел в отведенную мне пристройку бревенчатого дома.

Что же теперь делать? Информация нужна как воздух, если не больше. Куда мог спрятать источники этой самой информации мой предшественник? Как назло, от памяти носителя не осталось и следа, так что придется справляться самостоятельно.

Для начала я рассмотрел себя в зеркало для бритья. Не красавец, конечно, но вполне терпимо — русский, серые глаза, черты лица с претензией на аристократичность, но картину слегка портил чисто славянский нос картошкой.

Так, теперь подумаем, где именно молодой парень мог спрятать свои документы. На новом месте любой холостой мужик заканчивает распаковку не раньше чем через полгода. И самым надежным схроном всего важного очень долго остается чемодан.

Мои догадки оказались разумными. Один из двух обшитых кожей чемоданов был забит книгами и тетрадами. Там же нашлись документы, включая диплом об окончании Новгород-

ского специального училища и направление видока в чине коллежского секретаря Игната Дормидонтовича Силаева на службу в уездную управу полиции города Топинска, куда он должен прибыть не позднее пятого октября девяносто пятого. А значит, десять дней назад.

Что мне это дает? Хорошая новость — серьезных личных связей за это время образоваться не могло, а те, что были прежде, остались в Новгороде.

Настроение немного поднялось, и я с удвоенным старанием продолжил обыск. Особо мое внимание привлекла плоская шкатулка, в которой лежали странные очки-гогглы, перстень, тонюсенькая пачка купюр и с десяток разноцветных и разнокалиберных монет. На купюрах было написано, что это государственные кредитные билеты. Хорошо хоть не ассигнации, которые, как мне помнится, непонятно сколько стоили в пересчете на серебро. Не нужно будет забивать себе голову подсчетами.

Радовал тот факт, что бедолага не успел пропить все до копейки. Нужно только понять, на что мне хватит этого остатка.

Из документов, кроме предписания, в наличии был паспорт с фотографией и чем-то похожим на голограмму, и это еще раз доказывало, что я попал не назад в прошлое, а куда-то вбок. Кстати, в допросном листе, который мне дал на подпись Леха, рядом с моим именем имелся приклеенный квадратик чего-то похожего на фольгу.

Ничем не испачканная поверхность перстня наводила на мысль, что печать придется ставить не с помощью чернил. Сургуча в руках Лехи я тоже не заметил.

Это может стать проблемой. Ладно, повторим удавшийся опыт с подписью. Выбор носителя для кольца пал на средний палец правой руки. Там была вытатуирована маленькая руна, и наверняка не просто так. Сжав кулак, я приложил перстень к листу тетради, закрыл глаза и постарался полностью расслабиться.

— Сим заверяю и подтверждаю, — произвольно вылетел из меня легкий шепот.

Перстень потеплел, но осмотр бумаги ничего не дал. Надеюсь, с квадратиком фольги на документе получится продуктивнее.

Пока мне везет, но не уверен, что белая полоса будет такой уж длинной. Поэтому серьезно беремся за дело. Несмотря на плотность залегания документов, проверить комнату все же

стоило. К тому же обыск стоило провести, пока я нахожусь в одиночестве.

Ага, размечтался.

— Игнат Дормидонтович, с вами все в порядке? — послышался сзади голос квартирной хозяйки.

От усилий вспомнить, как ее назвал седоусый полицейский, даже голова разболелась, но я справился.

— Теперь все будет нормально, Марфа Спиридоновна, — повернувшись, сказал я и тут же скорчил самую покаянную мину из доступных моей нагловатой натуре. — И прошу простить меня за недостойное поведение.

— Ой, да бросьте, — тут же замахала руками женщина. — Или я без разума. Столько вам пережить-то пришлось! А то, что запили, так у нас каждый от кручины так лечится. Хорошо хоть все уже кончилось и на пользу пошло.

Последнее предложение хозяйка выдала в полувопросительной интонации и подозрительно посмотрела на меня.

— Будьте уверены, такого больше не повторится, — опять приложил я руку к груди.

— Ну и славно. Вижу, вы решили прибраться, — кивнула Марфа Спиридоновна, сразу меня тему. — Так я вам помогу.

Ну прибраться так прибраться. Может, чего полезного найду в процессе, да и жить, как в свинарнике, не хотелось. Помощь квартирной хозяйки уборкой не закончилась. Через полчаса я был накормлен обильным, но не отягощающим желудок обедом. Моя благодетельница пояснила такое меню тем, что не раз откармливала покойного мужа после подобных моему залетов.

Под конец реабилитации я попал в баню к соседу — милому старикашке, отзывавшемуся на деда Никифора. Старый сморчок, несмотря на возраст, всю флиртовал с моей квартирной хозяйкой. Да и прыти ему хватало — веником орудовал так лихо, что упарил меня до состояния разваренной макаронины.

После полулитра кваса у меня появилось дикое желание поспать как минимум сутки, но пришлось пересилить себя и сесть за документы моего предшественника.

Как я и предполагал, самыми полезными оказались конспекты. В них нашлось все, что нужно знать тому, кто пытается изображать из себя видока. Было там и много другого интересного, но это я оставил на потом, как и десяток разнообразных учебников.

Кое-что удалось узнать и о личности моего предшественника из табеля успеваемости. Игнат Силаев в учебе звезд с неба не хватал. Хотя и был прилежным учеником, об этом говорили старательно составленные конспекты. А вот оценки по профильным практическим занятиям не впечатляли. Отсюда и удивление начальства по поводу моих прорезавшихся способностей.

С этим нужно поосторожнее, впрочем, как и со всем остальным.

Весьма полезной оказалась служебная брошюрка: «Уложение о несении полицейской службы, благопристойном виде служащего и построении мундира, а также партикулярного платья».

Эвано как, мундир у меня, значит, построенный, а еще полагается платье.

Незамысловатая шутка заставила меня засмеяться, что ослабило ту часть нервов, которая оставалась напряжена даже после бани.

Шутки шутками, но книжка оказалась очень полезной, и завтра мне будет не так страшно входить в управу. Кстати, в брошюрке говорилось, что для работников следственных отделов, «дабы способствовать произведению следственных действий», есть послабление в одежде. Подчиненные строгого следователя, как и он сам, могли носить на службе гражданское платье, но пользоваться этой привилегией я пока поостерегусь. Сначала выясню, почему они все ходят в мундирах.

Немного разобравшись в местных реалиях, я вздохнул свободней.

Ну а что? Грех жаловаться. Появился шанс прожить еще одну жизнь и, возможно, исправить то, что натворил в прежней.

Слова стремящегося на свободу Игната о том, что мне это нужно, окончательно стали понятны при беглом прочтении конспектов. В этой реальности те, кого называли видоками, не просто часть следственной группы, но и главные свидетели обвинения. Причем настолько важные и авторитетные, что на суде видоков даже к присяге не приводили. Они давали клятву при выпуске из училища — раз и навсегда. Не очень радовало то, что за «лжу корыстную» на суде наказание для видока было одно — смертная казнь.

В общем, строгости круче некуда.

Теперь, приняв внутреннее решение, я уже мог без душевной муки вспомнить свой самый главный проступок в прежней жизни. Два года назад, гуляя по парку, я увидел, как три парня смуглой наружности затащили девчонку в черный джип. Вмешаться я не только не успел, но и вряд ли бы смог, а вот в полицию все же позвонил. Девочку нашли на следующий день мертвой в пригородной лесополосе. Благодаря моим описаниям похитителей взяли, но перед самым судом все пошло наперекосяк. Увы, в отличие от Штатов, у нас защита свидетелей совершенно не работает. В один не очень прекрасный день в мой гостиничный номер каким-то образом сумел войти невзрачный с виду человек и предложил поговорить. А разговаривать он умел, ибо это точно было его работой.

Вначале, по классике жанра, он как-то вяло предложил деньги, и весьма немалые. Я ответил отказом. Затем в течение пары минут мне было рассказано, что будет со мной, с моей женой, парочкой самых близких друзей и их семьями, если я не откажусь от своих показаний.

И я ему поверил. Поверил холоду в его глазах и равнодушно-му тону, каким он пророчил смерть близким мне людям. Поверил и совершил то, что даже для такого старого циника, как я, оказалось перебором. Слезы не получившей хоть толику справедливости матери и плевков в лицо от посеревшего лицом отца погибшей девочки вывернули меня наизнанку.

И вот теперь появился шанс хоть немного очистить свою душу. Может, это прозвучит слишком пафосно, но я пойду по этой дороге и теперь уже не сверну, что бы ни случилось. Эту жизнь мне выдали в долг и явно с определенной целью.

Ближе к ночи, когда с красными от чтения при керосиновой лампе глазами я уже собрался ложиться спать, окно в комнате тихо отворилось. От накотившего страха у меня по спине пробежало стадо мурашек.

Неужели расплачиваться придется так быстро?! Что, Женя-Игнат, теперь и ты стал жить так хорошо, что испугался? Или это просто нормальная реакция молодого тела?

— Тьфу ты! Чего тебе нужно, убогий? — ругнулся я, увидев, что в окно лезет паренек лет двенадцати от роду.

— Так ты сказал прийти вечером, принести вино, — ответил замерший на подоконнике пацан.

Ага, вот, значит, кто поставлял запившему видуку хмельное топливо. Захотелось сразу послать парня далеко и надолго, но я тут же себя одернул.

— Лезь внутрь, чего застыл?

Паренек спрыгнул с подоконника, осторожно подошел к столу и поставил на него бутылку.

— Вот, вы вчера заказывать изволили, — сказал визитер, под моим ироничным взглядом растерявший прежнюю наглость.

— Я уже расплатился? — спросил я и, увидев забегавшие глаза мальчика, строго добавил: — Только не ври и в будущем сможешь неплохо заработать.

Парень тут же подобрался и прямо посмотрел мне в глаза.

— Дали двугривенный, барин, и обещали сверху алтын.

Так, алтын — это, кажется, три копейки, хотя я не уверен.

Вернувшись к чемодану, я открыл шкатулку и внимательнее присмотрелся к монетам. В наличии у меня — три серебристых монеты по двадцать копеек, четыре по пятьдесят и два рубля. Также имелось два десятка монет разнокалиберной меди, некоторые с дробями на аверсе.

Взяв двадцать копеек, я вернулся к столу.

— Получишь еще двугривенный, если ответишь на мои вопросы.

Я с сомнением посмотрел на юношу и не заметил признаков недопонимания. Парень с явным удовольствием косился на монету и с готовностью кивал.

— Как тебя зовут?

— Осипкой мать назвала, еще кличут Чижом.

— Хорошо, Осип. Меня можешь называть Игнатом...

Вот зараза, не осилит парнишка мое отчество. Только коверкать будет.

— ...В общем, зови пока барином, а там посмотрим. — Решив не затягивать, я сразу перешел к опросу: — Расскажи, что обо мне говорят в городе.

— Так много чего, — замялся паренек.

— Начни с момента моего появления в Топинске и говори все без утайки, не бойся.

Чиж немного помялся, но затем, махнув рукой, заговорил:

— Так когда вы появились у нас, разговоров-то не было во все. А аккурат в прошлое воскресенье порвал двоедушник Малушку, дочку купца Санькина. Так, глянув на ее, вы умом-то и повредились. Блажить начали, а потом запили. — Постепенно

Чиж перешел на таинственный шепот. — И не зря, говорят, разум-то у вас помутился. Малушку городовые выносили почти что в торбе, на куски всю раззятую.

— Двоедушник?

— Так стрига же, — уточнил парень, словно о чем-то само собой разумеющемся.

Распрашивать дальше я не стал. К тому же очень хотелось спать — сил заниматься сбором информации и проведением агентурной работы уже не было.

— Хорошо, свой двугривенный ты заработал. Если что услышишь обо мне, либо что-то важное о полицейских делах, приходи, не пожалеешь. Только не лезь нахрапом. Свистни сначала, что ли.

Парень понятиво кивнул и полез обратно в окно.

— Кстати, — остановил я его уже на подоконнике, — где тебя найти?

— Так живу я туточки рядом, через два дома. Учеником у сапожника Дорохова.

Когда парень канул в темноту, я зевнул, едва не вывихнув челюсть, и принялся раздеваться.

Сон навалился, как только голова коснулась подушки. И все же, несмотря на всю усталость, некая странность заставила меня проснуться посреди ночи. Послышалось, будто что-то мелкое протопало по комнате, затем был звук, с которым из бутылки выливается жидкость. Вновь воцарившаяся в комнате тишина успокоила меня, и сон навалился с новой силой.

Глава 2

Пока засыпал вечером, у меня в голове крутились две мысли — неуверенная надежда, что, проснувшись, окажусь в собственной квартире, и противоречащее этой надежде опасение, что просплю начало рабочего дня в уездной управе.

И надежда, и опасение оказались напрасными. Проснулся я все в том же доме, а проспавать не дал горластый петух. Конечно, петуху стоило бы сказать спасибо, но не очень-то хотелось. Вставать тоже не хотелось, но придется. И только вскочив с кровати и смачно потянувшись, я понял, как все же хорошо на свете жить. Вчера, хоть и подлеченное после запоя, тело мало чем отличалось от разбитой тушки почти старика, из которой я

переселился. А сейчас после сна мне было так хорошо, что хотелось петь и танцевать. Конечно, Игнат за всю свою короткую жизнь не особо обременял себя спортом, но все равно ощущения были великолепными. А насчет физкультуры мы это сейчас исправим.

Прямо среди комнаты я начал разминочный комплекс, который освоил еще в армии, а затем благополучно забросил. Ну ничего, здесь я этой ошибки не допущу. Приседания, отжимания, прыжки и развороты заставили загудеть непривычные к таким издевательствам мышцы.

Закончив с разминкой, я задумался о закаливании. На дворе хоть и осень, но не особо холодная, так что время еще не упущено. Выходить в общую прихожую в белье не хотелось, поэтому я, как был в кальсонах и босиком, сиганул наружу через окно.

Во время этого маневра заметил странную вещь. Бутылка, принесенная вчера Чижом, мало того что перекочевала со стола на подоконник, так еще оказалась открыта и пуста. От травы под окном шел слабый, но все еще ощутимый запах вина.

Странно, но не больше. Настроение было таким чудесным, что я отмахнулся от непонятных мелочей и направился к первоначальной цели.

Колодец находился всего в десятке метров от окна. На работу воротом ушло несколько секунд — и вот больше десяти литров холодной воды обрушились на мою голову.

— Ух! — выдал я и встряхнулся, как выбравшийся их реки пес.

— Святые угодники! — прокомментировала мои действия Марфа Спиридоновна, статуей застывшая на крыльце. — Неужто белая горячка? Никифор, лови барина, пока в колодец не сиганул!

Шустрый не по годам старик перескочил забор как олимпийский чемпион по прыжкам в высоту.

Так, сейчас меня будут вязать.

— Всем успокоиться!

Мой грозный окрик заставил сердобольных хозяев замереть.

— Нет у меня никакой горячки. Пить я бросил, а это специальное закалывание по методу профессора Циолковского.

Сам не знаю, зачем я приплел сюда пионера космонавтики, но упоминание ученого звания и заковыристой фамилии бла-

гоприятно подействовало на импровизированную бригаду «скорой помощи».

— Ну ежели прохвесор? — почесал бороду дед Никифор.

— Идите уже в дом, Игнат Дормидонтович, — всплеснула руками женщина. — Простудитесь еще из-за вашего коновала.

Зря она так на Константина Эдуардовича, умнейший был мужик. Интересно, имеется ли в этой реальности его копия?

Почти дурея от внутренней энергии, как молодой лошак, я опять сиганул в окно.

— А двери-то на что! — прилетел в комнату вслед за мной горестно-возмущенный крик хозяйки.

Когда Марфа Спиридоновна явилась за объяснениями, я уже успел сменить кальсоны на чистые и сухие, а также надеть брюки, рубашку и залезть в сапоги. Пришлось экстренно вспоминать армейскую науку наматывания портянок. Но это как ездить на велосипеде — не разучишься.

— Вы меня так напугали, — укоризненно покачала головой женщина, появившаяся на пороге моей комнаты.

— Простите меня великодушно, — искренне извинился я и начал оглядываться в поисках принадлежностей для бритья. Они обнаружились на столике у двери.

— Сейчас принесу тазик с теплой водой, — поспешила вставить женщина, явно боясь, что и бриться я буду у колодца.

Сбрив юношеский пушок и приведя себя в порядок, я перебрался в столовую, где чуть не обожрался блинами с пятью видами начинки. Затем запил все это огромной кружкой чая. Потом окончательно обрядился в мундир, еще вчера почищенный все той же Марфой Спиридоновной.

На службу провожали меня словно в армию — умильными взглядами и самым натуральным маханием платочком. Вряд ли это ежедневный ритуал, просто действительно добрые люди были рады моему возвращению к нормальной жизни.

Мысль взять извозчика я отбросил и решил прогуляться пешком — утро было ранним, да и на окраине Топинска вряд ли можно найти местный аналог такси. Но минут через десять все же пришлось поделиться двумя алтынами с мужиком на телеге, который и доставил меня в центр. Точнее, доставила упитанная кобыла, которая резво рванула вперед под посвист мужика, уже видевшего перед собой образ стакана халявной водки.

В управление я вошел едва ли не строевым шагом, боясь с ходу наткнуться на начальство, собравшееся для моей торжест-

венной встречи. К счастью, реальность оказалась намного более будничной.

— Ваше благородие, — удивленно сказал дежуривший за стойкой местного варианта ресепшена городской.

Он тут же опомнился и вытянулся в струнку, отдавая мне честь. Я ему ответил, вовремя вспомнив, что делать это нужно не всей ладонью, а только двумя пальцами.

— Ваше благородие, — повторил городской, когда я торжественно прошествовал мимо него.

— Чего тебе, любезный? — круто выдал я, но, судя по вытянувшейся морде городского, явно не попад.

— Дык нет ваших никого. Извольте ключ?

— Изволю, — стараясь не покраснеть, ответил я и, получив массивный ключ, благодарно кивнул.

Что-то я расслабился. Нужно вести себя осторожней — больше слушать и меньше открывать рот. В кабинете, как и предупреждал городской, было пусто. Сделав простейший логический вывод, я занял бесхозный стол в углу комнаты. Если появится неизвестный мне персонаж и потребует освободить посадочное место, извинюсь и освобожу.

К счастью, ничего такого делать не пришлось. Леха явился в кабинет через полчаса и выразил удивление моим ранним приходом на работу.

Парень оказался словоохотливым, но начал не с того, что мне хотелось узнать, а накинулся с расспросами. Я изворачивался, как мог, пытаюсь поменять роли в этом диалоге. Меня спасло появление Дмитрия Ивановича.

Мы с Лехой дружно вскочили на ноги, мне даже подсматривать за коллегой не пришлось — вышло само собой.

— Доброе утро, господа.

— Здравия желаем! — почти хором ответили мы.

— Игнат, вижу, вы сегодня чувствуете себя намного лучше, — усевшись за стол, вперил в меня взгляд начальник.

— Так точно! — еще больше вытянулся я. Хотелось еще клятвенно заверить в невозможности повторения прокола, но вовремя прикусил себе язык.

Теперь отвечать нужно только односложно и есть начальство глазами — самый верный алгоритм поведения с вышестоящими лицами как в родной армии, так и в неродной полиции.

— Надеюсь, больше этого не повторится, — нахмурившись, уточнил Дмитрий Иванович.

— Так точно! Не повторится, — отчеканил я, опять не вдаваясь в подробности.

— Было бы очень хорошо, — наконец-то оторвав от меня взгляд, проворчал начальник и принялся разбирать какие-то бумаги на столе.

Леха присел на свой стул, и я тут же последовал его примеру.

И что мне теперь делать? О том, какие у видока были обязанности, я имел лишь смутные понятия. В конспектах Игната в основном говорилось о практической части работы, а вот что там с формальной составляющей, непонятно. Особенно если учитывать то, что даже опрос и составление протокола проводил Леха.

Поискав взглядом на столе хоть что-то, что поможет мне создать видимость занятости, встал и направился к столу Лехи. Он сначала покосился на начальника, затем вопросительно взглянул на меня. Продемонстрированный кулак с перстнем тут же успокоил парня.

Так же как и я, стараясь не производить лишнего шума, дабы не отвлекать начальство, Леха достал из папки уже подписанный мною документ.

Ну что ж, проверим на практике мою догадку. Прижав перстень к блестящему квадратику, я тихо прошептал:

— Сим заверяю и подтверждаю.

Перстень нагрелся и тут же быстро остыл. Когда я оторвал его от документа, на блестящем квадратике появилось нечто похожее на голограмму.

Вот тебе и дремучее прошлое. Нужно быстрее разбираться в местных нюансах, иначе можно вляпаться по-крупному. Похоже, иного выхода у меня нет и придется привлекать к делу единственный доступный мне источник, а именно — губернского секретаря Алексея Карловича Вельца.

Подмигнув Лехе, я тихо вернулся на место.

Благодаря брошюрке из чемодана мне удалось немного разобрататься в полицейской табели о рангах. У них тут все было немного непривычно — градация одного типа погон начиналась с одной звезды, а заканчивалась полным отсутствием этих самых звездочек. Оставалась непонятка с моим статусом. То, что Дмитрий Иванович в чине был выше меня, — это нормально, а вот почему я выше Лехи, пока неясно.

Моя скука продлилась еще около часа. Наконец-то Дмитрий Иванович начал куда-то собираться

— Алексей, — вернув на голову фуражку, обратился он к своему помощнику, — я у Аполлона Трофимовича.

Мы с Лехой опять вскочили и взглядом проводили начальника до двери.

То, что господин губернский секретарь лишь имитировал бурную деятельность, стало понятно, как только за начальником закрылись двери. Леха тут же подошел к моему столу и уселся на край столешницы.

— Игнат, так что с тобой все-таки случилось? Что ты видел в доме Санькиных?

— Леша, — вздохнув, обратился я к парню и, судя по его реакции, с обращением угадал, — мне важно знать, умеешь ли ты хранить секреты.

В ответ я услышал возмущенное фырканье, но благоразумие у молодого полицейского все же прорезалось:

— Если это не заденет моей чести и интересов государства.

— Никоим образом. Речь пойдет о моем состоянии.

— Ты еще нездоров? — насторожился Леха.

— Можно и так сказать, — сморщился и, вздохнув, решил все же рискнуть. — Понимаешь, я не помню не только того, что случилось в том доме, но и вообще всего, что происходило с момента моего появления в Топинске. Только туманные образы. Тебя помню. Дмитрия Ивановича тоже, но смутно и отрывочно.

— Ты уверен, что не нужно сообщить об этом начальству? — Было видно, что мой новый друг уже сам пожалел о своем неумном любопытстве.

— Уверен, — жестко ответил я, глядя в глаза парню. — Все, что нужно делать в качестве видока, я помню, так что службе урона не будет. А остальное — мое личное дело. Так что никто ничего не заметит, если ты мне поможешь освоиться с мелочами.

— Я помогу, но, может, хотя бы сходишь к доктору?

— А ты уверен, что он не отстранит меня от службы просто на всякий случай?

— Ян Нигульсович может, он такой, — кивнул Леха и, сделав серьезное лицо, добавил: — Хорошо, я сохраню твою тайну. Спрашивай все, что тебе нужно знать.

Ну что же, мой расчет на юношеский максимализм полицейского оправдал себя. Теперь еще нужно как-то вытянуть из него информацию, не задевая общеизвестных сведений.

— Я так и не понял, что мне нужно делать на рабочем месте.

— Так и никто не знает, — небрежно отмахнулся Леха, — в уложении о видаках сказано, что вас нужно первыми пускать на место убийства. Затем я как письмоводитель опрашиваю — провожу опрос и составляю протокол. И на этом все.

— И никаких отчетов? — искренне удивился я.

— И никаких отчетов, — с какой-то даже завистью повторил парень. — У нас никогда не было видовок, так что мы толком не знаем, чем тебя занять. На кражи брать бессмысленно. А привлекать как дознавателя не положено тем же уложением.

Леха был прав. Из конспектов Игната я узнал, что видоки не медиумы и не способны заглядывать ни в прошлое, ни в будущее. Просто убийство человека, особенно жестокое, для ткани мироздания как тавро для живой кожи — оставляет четкий след. Только в отличие от тавра этот след держится надолго и видок способен увидеть хоть что-то, если прошло не больше суток.

— Ну и чем я занимался все это время?

— Сидел, скучал, а затем испросил у Дмитрия Ивановича разрешения отлучаться в библиотеку после обеда. Главное, чтобы мы знали, где тебя искать.

— Библиотека! — едва не хлопнул я себя по лбу.

Вот где можно черпать информацию ведрами.

— Вспомнил? — неправильно понял мою реакцию Леха.

— Да, — решил я подыграть ему.

— А Лизавету Викторовну тоже вспомнил и то, почему ты больше не ходишь в библиотеку?

— А вот этого не помню, — насторожился я.

Мне только личных проблем не хватало. В отличие от рабочих в амурных делах дурачком прикинуться будет сложнее.

— Ты и в храм знаний ходил, только чтобы быть поближе к дочери нашего судьи.

Совсем нехорошо. Что же ты, Игнаша, такой неразборчивый в интимных связях, лучше бы уж с проституткой связался, чем с дочкой судьи.

— Вот когда Лизонька дала резкую отповедь на твои пылкие признания, походы за знаниями тут же прекратились. Ты еще и на меня обиделся за дружеское предупреждение.

— Давай я разом попрошу у тебя прощения за все, что было, и приглашу после службы куда-нибудь посидеть за рюмкой чаю.

— Как это «рюмкой чаю»? — удивился Леха, а я укорил себя за расслабленность.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Пролог</i>	5
Часть первая	9
Часть вторая	138
<i>Эпилог</i>	276